Историческое обозрение. 2011. Вып. 12. С. 80–86.

Сургуладзе Вахтанг Шотович
Кандидат философских наук (Москва)

К проблеме формирования российской гражданской национальной идентичности

Всплеск национального самосознания народов Российской и других многонациональных империй конца XIX – начала XX века привёл к мыслям о необходимости появления новой, *гражданской идентичности*, гражданского понимания нации.

Алексей Миллер справедливо отметил, что до 1906 года русская нация не являлась имперской в том смысле, в каком имперскими нациями были британцы или французы. Русская нация не правила в империи, так как у неё, в отличие от западных коллег по империалистическому строительству, не было парламентского представительства, которое юридически отражало бы неравноправие народов Российской империи: «Династия Романовых – в сравнении с другими династиями – эффективно и упорно, даже упрямо, сопротивляется национализации. … Здесь присутствует очень сложная диалектика. С одной стороны, империя действительно мешала, … можно назвать много аспектов, в которых она мешала реализации национального проекта. А с другой стороны, в каких-то вещах она очень помогала строительству этого национального проекта»[1].

Предполагавшаяся когда-то синонимичность словоупотребления «русский» и «российский», которая очень заметна в работах М.В. Ломоносова и Н.М. Карамзина и других мыслителей XVIII – начала XIX века, стала вытесняться более нейтральным, в этническом аспекте, словом «российский», целенаправленным использованием слова «российский» вместо «русский» в публицистических работах. Если Ломоносов и Карамзин употребляли эти слава как синонимы, то в конце XIX – начале XX века, когда в Российской империи всё острее поднимался национальный вопрос, говоря о «российскости» наряду с русскими имели в виду представителей иных этнических общностей, проживавших в империи. Именно эту тенденцию отмечал П.Б. Струве в статье «Интеллигенция и национальное лицо».

В СССР национальный вопрос рассматривался иначе. Касаясь соотношений *гражданской* национальной идентичности и этнической национальной идентичности, нельзя не отметить одно чрезвычайно важное противоречие в советской действительности, которое не вписывалось в концепцию интернационализма и новой исторической общности людей – советского народа: это устойчивый этнический аспект рассмотрения идентичности в советском обществе, который унаследовала и современная Российская Федерация.

Здесь возникает несколько сложностей. Первая из них языкового характера, формирует и отражает представления людей об обсуждаемом предмете. Языковой аспект проблемы *гражданской национальной* идентичности в России хорошо охарактеризовал в начале XX века российский правовед В.В. Водовозов, который отмечал, что большую трудность для правильного понимания нации «представляет невыработанность и запутанность терминологии. В русском языке имеются четыре термина: нация, народ, национальность, народность. … Нация – термин этнографический или социологический, и им обозначается совокупность людей, связанных единством национального сознания»[2]. Во французском и английском языках слово «нация» означает совокупность граждан государства, независимо от их национального, этнического происхождения. В русском же языке, «слова «нация», «народ», даже «национальность» и «народность», в своём первоначальном и главном значении этнографического или социологического термина, употребляются почти как синонимы, отличаясь друг от друга только тонкими, едва уловимыми оттенками; но каждый из них имеет и дополнительный, вторичный смысл. В фразе: «русский народ ведёт войну с Германией», термин народ употреблён в государственно-правовом смысле, и под него подводятся и поляки, и евреи, и армяне и т.д.; но можно сказать также: «в России живут разные народы: русские, поляки, евреи, и т.д.». Слово нация звучащее по-русски, как слово иностранное, плохо усвоенное русским языком, обыкновенно применяется только к более значительным народностям. … и тоже в обоих смыслах, государственно-правовом и социологическом: к самоедам, зырянам и т.д. этот термин не подходит. Но рядом с ними

[1] *Миллер А.И.* Национализм и империя. М., 2005. С. 30.
[2] *Водовозов В.* Нация // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 28. Ст. 119.

употребляются также термины «народность» и «национальность», особенно в применении к народам незначительным, для обозначения совокупности людей, объединённых единством национального сознания; в государственно-правовом смысле эти два термина не употребляются, зато они имеют ещё психологический смысл»[3].

Действительно, когда американец или англичанин задаёт вопрос «where are you from?» («откуда вы?»), он имеет в виду гражданскую принадлежность, *государство,* к которому принадлежит человек. Этническая национальность отступает на второй план. Слово Nation является синонимом государства и нации, как национальности, в том числе в какой-то мере как национальности этнической и, тем не менее, *государственно-правовое* содержание этого понятия преобладает. В русской же языковой практике вопрос о происхождении – прежде всего подразумевает этнический, а не гражданский аспект. В результате чего живущий, даже родившийся в России человек «нерусского» или «недостаточно» русского этнического происхождения, на заданный на русском языке вопрос «кто вы?» отвечает, к какой этнической группе он принадлежит. Или вообще затрудняется ответить, если ментальные и языковые связи с этой этнической группой утрачены. Но по-английски тот же человек ответит, что он «from Russia» или просто «I am Russian». Причём двойственность выбора «русский» или «российский» затрудняет ответить, таким образом, как это происходит в Соединённых Штатах, где человек может являться афроамериканцем или американским немцем. На русском языке сказать, что являешься русским кенийцем или русским немцем значительно труднее, так как есть ещё и «российский» выбор, быть не «русским», а «российским» кенийцем или немцем.

Данная языковая сложность, отмеченная П.Б. Струве и В.В. Водовозовым в начале XX века, казалось бы, должна была быть изжита идеологией советского интернационализма и насаждавшейся концепцией гражданской нации под названием советский народ, однако этого не произошло. И причины неукоренённости гражданского понимания нации в России видимо, кроме проблемы языка можно объяснить историей и социально-политической практикой Советского Союза: введением графы «Национальность» (вместо имевшейся в паспортах Российской империи графы «Вероисповедание») и административно-территориальное деление страны.

Вытеснение религии в качестве основы идентичности и введение федеративного государственного устройства с автономными советскими социалистическими республиками и указание национальности в паспортах содействовало укреплению местных этнических национализмов и содействовало складыванию в сознании некогда населявших Российскую империю народов представлений о местной *географической идентичности,* закреплённой новым административно-территориальным делением страны. Например, при царе не существовало Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, значит, не было и её границ, которые при создании автономии очертили рамки географических представлений о себе, содействовали закреплению ассоциаций татар с занимаемой ими территорией, выработке особого географического самосознания, ассоциирования народа с конкретным географическим пространством. Таким же образом складывалась ситуация и с другими советскими национальными республиками. В советский период произошла «территориализация … национальных проектов. Когда в 1939 году Красная армия завоёвывает Галицию, она уже завоёвывает её под флагом воссоединения украинских земель – произошёл гигантский дискурсивный слом»[4].

В качестве автономных областей в составе РСФСР многие народы России закрепили в своём сознании чувство не только языковой и культурной общности, но и общности чётко административно очерченной территории. И хотя, многие границы проводились произвольно, разделяя этнически родственные народы, в целом федерализацию Советского Союза можно признать шагом на пути к децентрализации и сепаратизму, формированию национального самосознания у населявших империю народов.

Важно отметить, что некоторая произвольность территориального деления империй по национальному признаку – отличительная черта всех, как территориально-интегрированных, так и морских империй, вследствие чего империи часто обвиняют в проведении в жизнь принципа «разделяй и властвуй», намеренном потенциально конфликтном проведении границ оставляемых или ещё удерживаемых территорий. Межэтнические конфликты по границам, проведённым уходившими когда-то империалистами, наблюдаются сегодня в различных частях земного шара и являются наследием ушедших в прошлое империй: Британской, Османской, Французской, Российской и Советской. В то же время, говоря о советском опыте проведения национальных границ, нельзя не признать значительных

[3] Там же. Ст. 119–120.
[4] *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 30.

усилий советских учёных, стремившихся проводить межевание границ территорий в максимальном соответствии с национальным сознанием населения. Иное дело, что на практике это не всегда удавалось и не всегда удовлетворяло исторические амбиции обретавших национальные границы народов. В случае с республиками Средней Азии доминирование клановой и племенной идентичности у людей, которых по целому ряду признаков можно было отнести к одной национальности и культуре, делало проведение собственно «национальных» границ практически невозможным, так как население этих территорий ещё не ощущало себя нациями.

Национальное сознание регионов империй, как правило, было развито очень неоднородно. Например, в составе Австро-Венгрии существовали две древние и когда-то независимые страны – Чехия (корона святого Вацлава) и Венгрия (корона святого Стефана). Понятно, что население этих областей имело намного больше оснований для желания национальной независимости и достаточно сильное национальное самосознание. Причём у венгров и чехов были достаточно ясные представления о территории и границах, которые должны быть у их государств. В сравнении с распадом Австро-Венгерской империи, уход европейских имперских держав с чёрного континента и проведённые этими державами границы государств Африки представляются совершенно произвольными. Стоит только посмотреть на карту, чтобы увидеть территориальное деление, буквально проводившееся при помощи карандаша и линейки. Строители империй «навязали геометрические схемы белых аморфным пейзажам чёрных, проведя границы, которые разрезали племенные сообщества, этнические союзы и лингвистические единства»[5].

Кроме территориального закрепления национальностей Советского Союза, населявшие СССР народы получили массовое среднее образование. Именно Советский Союз, а не Российская империя стал обществом поголовной грамотности населения, причём инструментами образования служили разные языки народов государства. Русский язык перестал быть монопольным в той степени, в какой он был таковым до революции. В прошлом безграмотные люди в результате кампании по ликвидации безграмотности научились читать и писать. И даже если они начинали читать по-русски, впоследствии тяга к национальной литературе и национальному языку становилась мощным источником национального самосознания.

Когда мощь государственной идеологии ослабла, наступил период гласности и перестройки, все эти изменения дали о себе знать. Советское государство стало распадаться по созданным в советское время административным границам. Сепаратистские настроения в большей или меньшей степени распространились по всем республикам, включая внутренние, не периферийные автономии, отделение которых с геополитической точки зрения было просто немыслимым в силу их окружённости Россией. Только катастрофа тотального распада государства, когда отпадают целые группы претендующих на государственность территорий, могла доставить им полную самостоятельность.

Примечательно, что подобный ход развития этнического национализма среди народов СССР предрекал в статье 1927 года «Общеевразийский национализм» Н.С. Трубецкой, писавший, что революция вынудила русский народ пожертвовать своим положением единственного хозяина государства, чтобы сохранить государственное единство.

Национализм народов Российской империи был представлен высшими классами их обществ и на момент революции ещё не проник в народные массы, благодаря чему большевикам удалось объединить страну на основании пролетарского социального идеала, но этот идеал может быть только временным. С улучшением условий жизни пролетарская солидарность перестанет цементировать многонациональный Советский Союз: «Национализм отдельных народов СССР, – писал Трубецкой, – развивается по мере того, как эти народы всё более свыкаются со своим новым положением. Развитие образования и письменности на разных национальных языках и замещение административных и иных должностей в первую очередь туземцами углубляют национальные различия между отдельными областями, создают в туземных интеллигентах ревнивый страх перед конкуренцией пришлых элементов и желание попрочнее закрепить своё положение. В то же время классовые перегородки внутри каждого отдельного народа СССР сильно стираются и классовые противоречия постепенно блекнут. Всё это создаёт самые благоприятные условия для развития в каждом из народов СССР своего национализма с сепаратистическим уклоном». Учитывая эти процессы «для того, чтобы отдельные части бывшей Российской Империи продолжали существовать как части одного государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым. При этом классовый субстрат … способен объединить отдельные части бывшей Российской Империи только временно. Прочное и постоянное объединение возможно … только

[5] *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997. М., 2010. С. 669–670.

при наличии этнического (национального субстрата). Таковым до революции был русский народ. Но теперь … уже невозможно вернуться к положению, при котором русский народ был единственным собственником всей государственной территории. Ясно также, что и никакой другой народ, проживающий на этой территории, не может исполнить роль такого единственного собственника всей государственной территории. Следовательно, *национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонациональная нация и в качестве такой обладающая своим национализмом*»[6].

Н.С. Трубецкой предлагал в качестве такого национализма концепцию евразийства, которое в контексте проблемы формирования в России гражданской национальной идентичности можно рассматривать как один из вариантов такой гражданской национальной идентичности.

Пример датируемых первой половиной XX века размышлений Н.С. Трубецкого тем более интересен, что демонстрирует актуальность изучения дискурса о национальной идентичности, представленного работами русских мыслителей Серебряного Века и русской эмиграции первой половины XX столетия.

Постсоветский период российской истории поставил перед обществом те же вопросы, которые стояли перед ним до 1917 года. В период перестройки конца XX века социальным мыслителям приходилось заново обдумывать те же проблемы национального строительства, модернизации и цивилизационной принадлежности страны, которые стояли перед Российской империей до революции. Огромная разница заключалась в том, что советская эпоха уничтожила длительную интеллектуальную традицию рассмотрения этих вопросов, которая была присуща русской социальной философии и её продолжателям в лице мыслителей русской эмиграции.

Незнакомство с интеллектуальными вершинами дореволюционной социально-философской традиции зачастую приводило к достаточно неглубоким социальным предположениям и проектам.

Империализм, который не всегда органично сочетается с национализмом, а подчас вообще воспринимается как противоречащий ему феномен, фактически содействовал, как ни парадоксально это звучит, формированию как империализующих, так и империализуемых наций, способствовал становлению их коллективной идентичности.

На фоне создания Британской империи англичане и шотландцы отвлекались от вековой вражды и, направляя общие усилия вовне, обретали общую британскую идентичность. Причём шотландцы, которые постоянно чувствовали на себе гнёт Англии, отличались особенным усердием на службе Империи. С другой стороны в противостоянии британскому имперскому проекту обретали общность многочисленные народности Индии. Британское владычество распространялось в этой стране, имея дела с разрозненными княжествами, но, уходя из Индии в 1947 году, колониальная администрация покидала уже новое государство. Из понятия географического Индия в итоге британского владычества стала понятием политическим[7].

Такие же процессы протекали в Российской империи и её преемнике – СССР. Распадаясь, Советский Союз выделил из себя целую плеяду новых национальных государств, «вызревших» в его рамках и никогда прежде не существовавших в современных границах.

Распад империи всегда наносит болезненный удар по самосознанию имперской нации, приводит к необходимости заново себя осознать и вписать в картину изменившегося непривычного мира. Земли, которые воспринимались своими, народы, которые ещё недавно считались «братскими», становятся открыто враждебными. Но кроме печали по утраченной империи, постимперского синдрома, носителям имперского сознания остаётся славное прошлое, которое при благоприятных обстоятельствах не омрачается синдромом жертвы – той особенностью, которой часто страдают подвергавшиеся когда-то колонизации и имперскому правлению народы. Именно этой особенностью механизма взаимодействия имперского и национального сознания в постимперский период объясняются все внешнеполитические сложности России, с которыми она сталкивается в начале XXI века на внешнеполитической арене во взаимодействии со странами, бывшими когда-то сателлитами или республиками СССР.

Синдром жертвы и национализм отделившихся частей империи сталкиваются здесь с постимперским синдромом страны, бывшей когда-то ядром империи. А.И. Миллер следующим образом охарактеризовал этот процесс: «Русские отличаются от всех других народов, живущих по соседству с ними, в одном очень важном элементе. В самосознании всех других народов очень большую роль играет мотив этнической виктимизации, то есть то, что они были жертвами какого-то «чужого» режима, – будь

[6] Общеевразийский национализм // *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 499–500.
[7] *Ferguson N.* Empire. How Britain Made The Modern World. London, 2004. P. 366.

то Российская империя или поляки, которые сами в свою очередь стали жертвами… Но от Советской власти досталось заведомо всем. При этом у всех остальных есть мотив этнической жертвы, а у русских такого мотива нет. *Русские всегда воспринимали государство как своё, не как этнически чуждое*»[8].

Сложность взаимодействия имперского сознания России с самосознанием жертвы, присущим её восточноевропейским соседям, усиливается тем, что эта виктимность малых народов имеет длительную «дороссийскую» историю, была присуща этим нациям задолго до их вхождение в орбиту российского влияния.

Ещё в 1946 году из-под пера венгерского мыслителя Иштвана Бибо вышла работа под заглавием «О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств», в которой рассматривались исторические корни *виктимного синдрома* малых наций Восточной Европы[9]. Начиная с турецкой экспансии на Запад и заканчивая многочисленными разделами сфер влияния и территорий между Пруссией, Австрией и Россией, а затем Германией и СССР, Восточная Европа на протяжении 400 лет занимала положение между молотом и наковальней. Страх потери суверенитета и утраты своей культуры и самобытности стал в этих обстоятельствах неотъемлемой частью коллективного бессознательного.

В каждый текущий период жизни общества история выступает основой идеологии, трактуется исходя из его современных нужд или политических нужд правительства. По сути это уже не история, а популярный миф, массовое сознание, которое бывает ущемлено на протяжении столетий и не может объективно воспринимать реальное хитросплетение исторических фактов в их совокупности. У малых народов, входивших когда-то в обширные империи исторический кругозор чрезвычайно узок, во всяком случае уже, чем у представителей сложных имперских государств, хотя и в сознании этих последних повсеместно довлеют представления официальных или считающихся общепринятыми мнений и идеологических или *мировоззренческих штампов*. Практика показывает, что *«только маленькие народы и государства соглашаются на чисто национальное существование, не претендуют быть миром».* Всегда стоит помнить, что в далёком прошлом некоторые из воспринимающихся ныне «маленькими» народами не воспринимали себя таковыми и тоже «претендовали быть миром», обладали пассионарностью экспансионистских стремлений собственного мессианизма.

Имперское российское самосознание снова столкнулось в конце XX – начале XXI века с самосознанием жертвы, характерным для окружающих Россию государств, входивших когда-то в орбиту её имперского влияния. Мыслительные образы империи и жертвы взаимоисключают друг друга в том смысле, что могут быть примирены только посредством комплексного разностороннего анализа, который по объективным причинам практически невозможно привить широким слоям населения, тем более, что *виктимный синдром* выступает во многих новообразованных независимых государствах в качестве основания формируемого политической и культурной элитой национального самосознания. В таких условиях национальное сознание приобретает выраженные черты негативной идентичности, которая основывается на противопоставлении себя Другому, демонизируемому «страшному врагу».

Понимание образа мира жертвы и образа мира империи необходимо для прагматичной и взвешенной внешней политики всех государств региона. При столкновении этих двух мировоззрений, представителям имперского самосознания значительно проще сохранять прагматизм, так как у них отсутствует синдром жертвы, а имперское прошлое помогает выстраивать сложный фундамент национального самосознания, без доминирования в нём факторов негативной идентичности, зависящей от конфронтации с реальным или вымышленным внешним врагом.

---

[8] *Миллер А.И.* Национализм и империя. С. 109, 110; *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 10–11.

[9] О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // *Бибо И. «*О смысле европейского развития» и другие работы. Избранные эссе и статьи. М., 2004. С. 155–262.